

Владимир ОВЧИНСКИЙ: «Менты – слово нормальное»

Если ввести в любую поисковую систему на русском языке ключевые слова «мафия», «организованная преступность», то непременно появится имя Владимира Овчинского. Нет, он не криминальный авторитет, совсем наоборот. Генерал-майор милиции в отставке, доктор юридических наук, человек, занимавший высокие должности в МВД России, признанный эксперт по проблемам борьбы с коррупцией, мафиозными структурами. В настоящее время он один из самых востребованных политических комментаторов. Его выступление на Белорусском медиа-форуме в июне этого года произвело сильное впечатление на слушателей, после чего сомнений быть не могло – беседа с Владимиром Овчинским должна появиться на страницах журнала «Беларуская думка».

– Владимир Семенович, в этом году исполняется 20 лет со времени распада Советского Союза. В ту тревожную пору, когда все шаталось, рушилось, одна эпоха сменялась другой, было много страхов, опасений, апокалиптических предсказаний. Чего греха таить, многие из них оправдались. Среди прочего говорили и о том, что власть советская сменится мафиозной. По-Вашему, оправдались ли эти прогнозы? Можно ли сказать, что постсоветское пространство – территория победившей организованной преступности?

– Нет, конечно. У нас есть, по крайней мере, два примера успешной борьбы с организованной преступностью – Беларусь и Грузия. А ведь у этих стран одно, если можно так сказать, криминальное пространство и с Россией, и с Украиной, и со Средней Ази-

ей, где обстановка не такая благополучная. Понимаете, уголовный мир устроен так, что связи и традиции там очень прочные. Они не разрушаются даже войной, стихийными катаклизмами. Это показал опыт Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Даже в коммунистическом Китае, несмотря на то, что там было тоталитарное государство, мафиозные триады выжили. Они сначала сосредоточились в Гонконге, но затем быстро раскинули щупальца, вышли на Шанхай, другие крупные города и восстановились в другом виде. Или японские якудза, которые выжили при всех политических режимах.

Со времени распада Союза прошло очень мало времени. Практически на всем пространстве бывшего СССР, включая страны Балтии, мафиозные структуры цветут пышным цветом. Слово «мафия» я употребляю как синоним организованной преступности. Оно приобрело уже интернациональный характер – ООН использует именно этот термин для определения организованной преступности. В 1994 году в Италии проходило международное совещание министров внутренних дел, безопасности, юстиции по проблемам оргпреступности, и там были приняты все основополагающие документы по борьбе с этим явлением, которые затем вылились в Конвенцию против транснациональной организованной преступности, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году.

В Советском Союзе оформление настоящей мафии произошло после 1988 го-

НАШЕ ДОСЬЕ

ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович.

Родился в 1955 году. Окончил Омскую высшую школу милиции МВД СССР (1976). Работал в органах МВД СССР, в том числе помощником министра внутренних дел СССР, начальником Российского бюро Интерпола. В 2004–2011 годах – советник Председателя Конституционного суда Российской Федерации. С 2004 года – член Экспертного совета Комиссии Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по противодействию коррупции.

Доктор юридических наук. Генерал-майор милиции в отставке.

Активно занимается журналистикой. Автор нескольких книг, в том числе «Стратегия борьбы с мафией», «Основы борьбы с организованной преступностью», «XXI век против мафии» и др.

да, когда были приняты законы об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперативном движении, появилась возможность перейти от простого рэкета, которым занимались бандитские группы, к профессиональной преступности во главе с «ворами в законе» (более правильно говорить «ворами»). Появилась возможность создать единые финансовые структуры, сливать теневые капиталы «цеховиков» (их можно было легализовать благодаря этим двум законам) и «общаки». «Общак» до того – это было святое, его под бизнес нельзя было раскручивать, и даже в 1988 году прошло несколько сходов авторитетов, на которых воры старой традиции принимали решения, что бизнесом нельзя заниматься. Но в итоге победила другая идея, что новые условия требуют новых подходов. Преступные авторитеты смотрели фильм «Крестный отец», который стал образцом для подражания. Действительно, более реалистичного фильма, снятого про эту среду, ее субкультуру, нет. В России, Украине происходит то, что показано в «Крестном отце», один к одному. Это и купленные сенаторы, полицейские, просто даже образ поведения.

– Вы упомянули о двух примерах успешной борьбы с организованной преступностью – в Беларуси и Грузии. Но, насколько я понимаю, это совершенно разные модели...

– В этих странах действительно разные модели, политические, экономические. Но не это главное. На мой взгляд, экономика может быть совершенно разной: либеральной или авторитарной, госкапитализм или либеральный капитализм. Важнее, какое будет реальное наполнение провозглашенной экономической модели.

Например, президент Медведев на недавнем экономическом форуме в Санкт-Петербурге заявил, что мы отказываемся от модели государственного капитализма. Дескать, одно время он показывал эффективность, а теперь уже неэффективен. Сейчас в России все проходит под флагом отказа от госкапитализма. Но у нас его и не было! Вот в Китае сейчас госкапитализм, несмотря на то, что у них компартия правит. Там жесткое государственное регулирование предпринимательской деятельности, программ социально-экономического развития...

У нас этого не было. Наличие госкорпораций с преимущественной долей собственности государства – еще не показатель госкапитализма. Важно то, как эта доля регулируется, какие дивиденды идут от нее в бюджет. В России государство получает доход с налогов, а с прибыли – нет. И вопрос открыт: кто качает деньги из госкорпораций? Эти деньги должны идти на техническое перевооружение, строительство новых заводов. А реально прибыль распределяется в виде бонусов среди тех, кто входит в совет директоров. Какой же это госкапитализм? Это фактическое расхищение государственной собственности. Если же это узаконено, то называется уже по-иному – клептократия.

Заседание Комиссии по безопасности, обороне и борьбе с преступностью Парламента Беларуси и России. Минск, март 2011 года

Особенность современной организованной преступности в России и Украине, да и в других бывших советских республиках в том, что организованная преступность вышла из своей традиционной ниши на постсоветском пространстве и ворвалась в экономику и финансы.

– Если мы уже затронули экономическую сферу, то рассмотрим белорусскую ситуацию. Сейчас активно обсуждаются пути выхода из сложившегося положения в экономике. Раздаются голоса тех (в том числе чиновников высокого уровня из России), кто призывает отказаться от государственного регулирования, провести скорейшую либерализацию, приватизацию. Ваш взгляд на эту проблему?

– Как говорили раньше, если бы директором был я, то проводил бы мягкую либерализацию и очень осторожную

приватизацию. Ни в коем случае не радикальную, по типу той, которая была осуществлена в России. Нужно брать пример с китайцев, там идет эволюционный процесс движения, своевременная корректировка, чтобы не допустить ошибок. Для государств, которые решили изменить социальный строй, экономику, сдвинуться в сторону глобализационных процессов, путь, избранный Китаем, – наиболее оптимальный. В этой стране оставляют жесткое государственное регулирование и мягко вводят различные элементы экономического и политического либерализма.

– Возможно, одним из залогов успеха китайской модели является то, что там модифицируют политическую и экономическую системы на разных скоростях. В экономике больше либерализма, а в политике здорового консерватизма.

– Они избрали свою модель, которую менять не будут. Если бы они провели Пленум ЦК КПК, где приняли решение о начале шоковой реформы, то в Китае начался бы такой распад, который привел бы к вселенскому хаосу, и мировой экономической кризис показался бы детским спектаклем.

Китай мощно развивается. Но он идет своим путем. Беларусь выбрала свой путь, и надо идти этим путем. Это не значит, что его не надо модифицировать. Я считаю, как раз ни в коем случае нельзя делать судорожных движений. А потом, почему нужно верить каким-то советчикам, да еще из современной России? Что, Россия добилась хороших результатов в экономике?

– Но у России есть деньги и она готова выделять кредиты Беларуси...

– Россия дает деньги за счет того, что продолжают быть высокими цены на нефть и газ. Что касается других проблем, то в одном из своих последних выступлений даже Владимир Путин признал, что за 10 последних лет в России не построено ни одного нового нефтеперерабатывающего завода. Как это так? Шоковые реформы привели к системному кризису государственного управления и вообще функционирования государства. Ситуация с падением самолетов, катастрофа с теплоходом «Булгария» показывают, что нет вообще никакой системы контроля, государственного регулирова-

ния. В связи с этим меня поражает поведение генерального прокурора России Юрия Чайки или министра транспорта Игоря Левитина. Генпрокурор сказал, что поскольку по итогам 2010 года аварийность на водном транспорте выросла на 42 %, то надо провести тотальную проверку. У меня вопрос: почему тогда проверку начали только в июле 2011 года? Что, нельзя было ее провести до начала судоходства? Почему министр транспорта не несет никакой ответственности, вплоть до уголовной? Почему эти люди остаются на своих местах?

– Кстати, недавно на Кипре произошел взрыв на складе боеприпасов. Местные военные не имели к этому отношения, поскольку взорвался порох, конфискованный на одном из судов в Средиземном море. Тем не менее министр обороны Кипра тут же подал в отставку.

– А в России прямые признаки провала в системе прокурорского надзора в транспорте. При этом имеются различные федеральные службы и агентства по технологическому контролю за транспортом. Но если не работают эти системы, то должно работать Министерство внутренних дел, оперативные работники транспортной полиции: они должны знать обстановку, иметь свои источники информации. А у нас в ходе так называемой реформы МВД была практически уничтожена транспортная милиция: департамент, линейные управления, на 30–40 % сокращена численность оперативного состава. Разве крушение «Булгарии» менее опасно, чем взрыв в Домодедове? Я считаю, что более опасно. Люди, которые отправляют теплоход с пассажирами, на котором отключен один из двигателей, не спущена канализация, – это такие же террористы. А те, кто не контролирует их действия, – такие же преступники. Я и называю это системным кризисом государственного управления в эпоху, которую наши руководители считают госкапитализмом. Но при настоящем госкапитализме такого случиться не могло – подобные вещи происходят при вселенском хаосе.

Подъем теплохода
«Булгария».
Июль 2011 года

– Но в России пытаются как-то изменить ситуацию. Президент Дмитрий Медведев широко объявил о реформировании МВД. Мы видим постоянные кадровые перестановки высокопоставленных руководителей в этой системе. Очевидно, что подобная реформа назрела. Мне доводилось слышать от российских коллег истории о том, как продаются милицейские должности, что это стало чуть ли не повальной практикой. Может быть, ситуацию переломит переименование милиции в полицию? Не столько сам этот формальный шаг, сколько комплекс мер, связанных с ним?

– Это ничего не решит. Я 27 лет проработал в системе МВД, ушел со службы в 1999 году. При мне не было фактов продажи должностей в МВД. В какой-то момент этот процесс пошел.

Если мы говорим о реформе, то ее необходимость стала очевидна, как никогда, после печально знаменитой стрельбы майора Евсюкова.

Собственно говоря, надо было сделать несколько основных вещей. Во-первых, провести масштабную чистку, такую, как провело руководство Беларуси, или как сделал Саакашвили, когда он вывел за штат всю полицию. Все оперативные материалы, которые были на работников, возбудили как уголовные дела, если там были основания. Оставили на службе небольшую часть, которая не была запятнана, набрали новых людей, которым повысили заработную плату, и показали пример, что каждый, кто, придя в полицию, будет продолжать воровать, брать взятки, окажется в тюрьме моментально, невзирая на ранги и заслуги. В Грузии это получилось. По такому же варианту надо было действовать и в России. Весь Интернет заполнен компроматом о деятельности некоторых начальников региональных МВД, УВД. По моим прикидкам, есть точная информация о коррупционной деятельности где-то пятой части руководителей такого уровня. Почему не возбудить

Министр МВД СССР Н.А. Щелоков во время посещения минского завода имени В.И. Ленина. Слева – Ю.М. Чурбанов. Конец 1970-х годов. Фото Е. Боровицкого

дела, не уволить провинившихся? Иногда нужна такая показательная порка.

– Вы предлагаете сделать то же, что и Хрущев в 1950-е годы?

– Нет. Он все изуродовал и уничтожил. А восстанавливал Николай Анисимович Щелоков с огромным трудом...

Возвращаясь к теме преобразования системы МВД, нужно сказать, что нам необходима реструктуризация учета и регистрации преступлений, реагирования на заявления граждан. Надо брать европейскую, в частности скандинавскую, модель. Это и сделал Саакашвили. Тогда в статистику попадает не заведенное уголовное дело, а само заявление гражданина о криминальном происшествии. У нас уже есть такая статистика – «поступило заявлений, сообщений». Но учет уровня преступности ведется по количеству возбужденных дел. А так получается два учета в МВД: статистика оперативных сводок – там всегда был совершенно дикий рост преступности по всем показателям, и была статистика Главного информационного центра МВД, где все нивелировалось, перекидывались показатели для того, чтобы отчитаться.

В России продолжает действовать принцип: если общество добивается каких-то успехов в экономике, в других сферах, то преступность должна падать. Раньше говорили, что по мере строительства социализма преступность неуклонно снижается, а теперь говорят, что по мере развития демократии и модернизации преступность должна также снижаться. Подобная идеология взята полностью из периода упадка КПСС, но она продолжает существовать и давать полное искажение статистики. Это распад системы внутренней безопасности. Ведь люди приходят со своей болью, обидой, у них не принимают заявление, а если принимают, то часто не реагируют, вымогают деньги. Всей статистикой на выходе манипулируют. В такой обстановке нельзя создать нормальные некоррупцированные правоохранительные органы, то есть речь идет о насущной потребности изменения системы доступа граждан к правосудию, как это называется в документах ООН и ЕС. И это несложно сделать. Я видел, как в Швеции это организовано. Там дежурная часть транспарентная, открытая, сидят женщины в форме...

– Так же, как в Грузии, в знаменитых прозрачных стеклянных модулях?

– Да, совершенно верно. И есть полиция, секретная в основном. В дежурную часть приходит потерпевший, ему дают формализованный бланк, где он только подчеркивает или вписывает какие-то специфические особенности совершенного преступления, приметы преступника, обстоятельства и т.д. Офицер ставит свой номер, подписывает и сразу загружает в компьютер. Если это тяжкое преступление, то экстренно вызывается группа, которая работает с потерпевшим. Мгновенно информация передается всем нарядам. Во-первых, повышается раскрываемость преступлений, во-вторых, все регистрируется, ничего нельзя скрыть.

А в России, чтобы попасть в отделение милиции, человеку нужно еще пробиться. Там милиционер стоит с автоматом. Если гражданин прорвался, ему начинают хамить и грубить. Иногда бумаги нет, чтобы написать заявление. Да и само заявление пишется в произвольной форме. Что может написать человек, который не имеет юридического образования? Могут вообще отправить к участковому, а того вдруг не окажется на месте. Человек ходит-ходит, плюнет и уйдет. Или другая схема. Украла у человека из машины магнитола. Ему говорят: «Выберите себе такую же из изъятых у преступников». Только бы не написал заявление, чтобы не портить показатели.

– Почему же так болезненно в МВД стоит вопрос статистики? Ведь шила в мешке не утаишь.

– Потому что руководство МВД последние годы докладывает о неуклонном снижении уровня преступности, в том числе и убийств. Однако недавно, в начале этого года, вышла любопытная книга «Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности» общим объемом в 850 страниц. Это солидное исследование, проведенное группой ученых под руковод-

Полицейское управление в грузинском городе Гори

ством профессора Сергея Иншакова. Они изучали ситуацию 10 лет. Сопоставили статистику – уголовную, судебную, медицинскую. Провели массовые опросы. Были использованы американские методики оценки латентной преступности. В результате ученым удалось аргументированно доказать, что за все эти годы преступность никогда не снижалась. Последние цифры у них были по 2009 году. Тогда в России было зарегистрировано около 3 млн. преступлений, а реальная цифра составляет 22 млн. Если было зарегистрировано 17 тыс. убийств, то реальная цифра – 47 тыс. И это исследование поддержал генеральный прокурор Юрий Чайка: книга издана НИИ при академии Генеральной прокуратуры. Прделана уникальная работа! На основании подобных объективных данных и надо было проводить реформу. Еще раз подчеркну: главный вопрос преобразования системы МВД – это кадры. Прием на работу сотрудников нужно проводить только при помощи «детекторов лжи», потому что сейчас современные средства дают стопроцентный ответ, лжет человек или нет. Вот на это и надо тратить деньги, а не на всякую чепуху, вроде новой формы для полиции, на которую израсходовано минимум 13–15 млрд. рублей.

– Вы назвали ключевые моменты возможной реформы системы МВД. А как быть с гражданским контролем? Сейчас в России много говорят о борьбе с коррупцией известного блоггера Алексея Навального. Его даже называют «интернет-президентом» России.

– Деятельность Навального – это не форма гражданского контроля, это информирование общества. Я не знаю Навального как человека. На мой взгляд, он выполняет определенную роль по деструкции российского общества в политическом плане. Но, с точки зрения информирования населения, его деятельность полезна. Ведь таких сайтов во всем мире огромное количество. Однако во многих других странах априори не может быть того, что делает Навальный. Потому что если любой факт, который Навальный обнародовал, мог произойти где-нибудь на Западе, например, о недвижимости руководителя на-

логовой инспекции в Дубае, на Кипре, то реакция была бы мгновенной. А если бы правоохранительные органы не отреагировали, то их руководителей непременно бы сняли. Там функцию информирования общества выполняют СМИ. А у нас открыто говорят о подобных фактах, но ничего не предпринимается.

Оргпреступность изменилась совершенно, особенно за 10 последних лет. Функцию мафии зачастую стали выполнять люди в погонах. Давайте возьмем хотя бы последнее «прокурорское дело» в Подмоскowie. Оно условно прокурорское, потому что арестованы ответственные сотрудники управления «К» (это электронный контроль из федерального МВД), задержаны сотрудники ГУВД Московской области, которые работали по экономической преступности. Сейчас журналистские расследования показывают, что эта прокурорская группа была связана с лицами из Департамента по борьбе с экономической преступностью, в результате деятельности которых погибли адвокат Магнитский, предприниматель Вера Трифонова. Получается уже «мафиозно-правоохранительный спрут». Когда в международный розыск официально объявлен первый заместитель прокурора столичной области, когда арестовано уже несколько прокуроров городов и районов, а готовится арест еще десятка таких людей – всего около 20, когда уже получены показания на ответственных работников Генеральной прокуратуры, это уже кризис правоохранительной системы России. Другую оценку просто невозможно дать. И здесь дело не в конфликте между Следственным комитетом и прокуратурой.

– **Получается как в анекдоте из фильма Сергея Урсуляка «Сочинение ко Дню Победы»: «Скажите, а у вас в прокуратуре есть люди, которые не берут взятки? – Есть, но он сейчас в отпуске».**

– Я никогда не говорю о повальной коррупции. Сейчас гнойник вскрыт в столичной области. Нам не известно точно, такая ли ужасная ситуация в других регионах. В Хабаровском крае начальник Следственного комитета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации Александр Бастрыкин снял с должности начальника

следственного управления за нарушение присяги. Это не расшифровывалось, но депутат Владислав Резник говорит, что за развал дела «Общак», самой крупной мафиозной структуры на территории России за всю историю. Когда зачитывали обвинительное заключение в начале процесса по этому делу, то прокурор привел такую цифру: в эту преступную организацию входило не менее 5 тыс. активных членов. К тому же, это одна из самых старых преступных группировок. Ее создал «вор в законе» Васин по кличке «Джем» в конце 1980-х годов. В 2001 году он умер в следственном изоляторе, а возглавили «Обшак» его наследники во главе с неким местным авторитетом Сохно. Их судили. За развал этого дела сняли начальника следственного управления.

Странная ситуация в Краснодарском крае, где остался в должности краевой прокурор после дела куцевской банды, которая устроила настоящую резню. Этот же краевой прокурор утверждал постановления в отказе в возбужде-

нии уголовного дела. Но за несколько месяцев до этой резни Цапок, главарь банды, лично изуродовал, нанес тяжкие телесные повреждения двум работникам наркоконтроля, экспертиза была, показания, видеосъемка. Милиция возбудила и вела дело. Начальника милиции сняли, прокурор остался на своем месте... Однако сказать, что все повально коррумпированы, мы не можем. Есть нормальные люди, которые честно работают.

– **Но граждане, когда видят незаконие со стороны тех органов, которые призваны закон защищать, сами готовы отстаивать свои права. На мой взгляд, весьма симптоматичен случай с попыткой создания «партизанской армии» в Приморском крае в прошлом году, когда молодые парни стали отстреливать милиционеров, совершили нападение на отделение милиции.**

– Это никакие не партизаны – это обычные бандиты!

Российский блоггер Алексей Навальный

– **Согласитесь, трудно оспорить то, что образ милиционера скомпрометирован в современной России. Даже самое распространенное слово для определения сотрудника правоохранительных органов – мент. Его вряд ли можно расценить как положительное.**

– Мент – это нормальное слово...

– **Однако разрыв между обществом, гражданами и правоохранительной системой существует, и ситуация не улучшается. Обратим ли процесс?**

– Знаете, меня спрашивают, можно ли в МВД провести реформу прямо сейчас и сделать так, чтобы вернуть доверие? Можно! Сколько лет на это понадобится? Не лет – три месяца. Мне говорят, что я сумасшедший. Но реально все можно сделать за 100 дней. Саакашвили провел свою реформу за 5 месяцев. Почему нельзя это сделать в России? Подобные преобразования должны проводиться жестко и последовательно. Если декларируется всеобщая гуманизация и либерализация уголовной политики, то нельзя при таких условиях бороться с коррупцией. Соединенные Штаты, Сингапур, Китай, Грузия – все те, кто добился каких-то результатов в борьбе с коррупцией и оргпреступностью, достигли этого путем жесточайшего применения всего репрессивного аппарата. Вы найдете в США хотя бы одного коррупционера или финансового мошенника, который отделался бы условным осуждением! Вот сколько бы у нас в России получил Мейдофф, руководитель финансовой пирамиды, который украл миллиарды у своих вкладчиков? 3–4 года условно! Там он получил 150 лет тюрьмы. Сколько бы у нас получил депутат, который покупал должность и на стадии покупки был пойман? Ничего, дело было бы прекращено, а скорее всего, и вовсе отказали бы в возбуждении уголовного дела, и он остался бы на своем месте. В России в открытую все партии торгуют должностями – это новый вид коррупции.

– **Владимир Семенович, Вы сами выходец из системы внутренних дел, генерал. Каково Ваше мнение по поводу часто обсуждаемого вопроса: министр внутренних дел и вообще руководитель силового ведомства должен быть гражданским или человеком в погонах?**

– Я считаю, что это не принципиально. Щелоков пришел министром с гражданской должности, но он создал мощную военизированную систему. Неважно, в форме министр или нет – все зависит от личности человека. Нынешние руководители МВД и прокуратуры не способны действовать в современных условиях, их действия неадекватны.

– **Мы с Вами обсуждали российскую ситуацию. Но между нашими двумя странами нет границы. Как Беларуси защищаться от матерого российского криминалитета, от тех негативных явлений, которые Вы описали?**

– Тот же Щелоков любил проводить социальные эксперименты. Вводил систему особого режима оперативно-розыскной деятельности, агентурной работы, жесткую профилактическую систему. И там, где эти модели осуществлялись, преступность шла на спад. Мой отец работал в тот момент одним из руководителей отдела «А» (агентурно-оперативного) в НИИ МВД, он вместе с начальником УВД Ивановской области генералом Емелиным проводил новый эксперимент по созданию системы «учет – розыск». Как

только начался этот эксперимент, из региона сбежали все авторитеты, шпана. И Ивановская область стала своеобразным островком без преступности. Преступный элемент очень чуткий, воры прекрасно знают, что если в Беларуси они будут хулиганить (на их языке – это бандитизм), то они сядут плотно. Саакашвили посадил нескольких воров, остальные сбежали. Он не тронул только одного «вора в законе», которому было 80 или 90 лет.

– **А ведь в Грузии ситуация с «ворами в законе» была покруче, чем в России.**

– До сих пор среди российских «воров в законе» 40–50 % составляют грузины. Как это получилось – особый разговор. Классические грузинские «воры в законе» соблюдают старые традиции, это потом уже стало все покупать, молодняк пошел, все это

Бывший глава
Управления по
контролю за про-
дуктами питания
и лекарствами
КНР Чжэн Сяоюй
приговорен к рас-
стрелу за получе-
ние взятки в особо
крупных размерах
и преступную
халатность
на рабочем месте.
Май 2007 года

превратилось в шелуху. Среди воров тоже есть свое разделение. Тот же Васин, лидер «Общак», был авторитетом, возглавлял свою структуру. Создал в Комсомольске-на-Амуре на островах лагеря для трудных подростков, его поддерживала милиция, местные органы власти. Еще бы! Крутом разлуха, а он собирает детей, те перестают наркотики употреблять, бросают пить. А он из них боевиков готовил, привозил воров, которые их учили преступному ремеслу. Он уже пошел в бизнес, стал заниматься японскими автомобилями, потом рыбными ресурсами, лесом. И ему для большего авторитета нужен был статус вора. Он специально за взятку сел – за какую-то ерунду, потом за взятку его направили в Тобольск, где в это время в тюрьме сидели два классических старых грузинских вора, которые его короновали, потом отправили маляву, что «Джем» теперь вор, и с этим нужно считаться.

– **Прямо целая воровская политика!**

– Мы же не должны отрицать, что в воровском мире простых людей не бывает. Это жестокий мир. Если ты не выдержишь конкуренции, тебя или уничтожат, или выдавливают. Чем сильна организованная преступность? Ее генералы (воры, смотрящие, авторитеты), даже не коронованные и не сидевшие, на пенсию не уходят...

К сожалению, в нашей системе случается и такое, что борцы с мафией становятся бойцами мафии. Когда человек уходит на пенсию, его подбирают. И чем честнее он работал в правоохранительных органах, тем выше его авторитет в преступном мире. Ему не будут мстить – там понимают, что предатели (их «липкими» называют) не нужны, они и так у воров на подсосе. Им нужны те, кто их сажал, кто взятку не брал, кто знает систему. Такой человек не даст убить своего нового хозяина, не даст разворовать то, что авторитет наградил и собрал, – он придает воровской системе имидж, показывает, что она нормальная.

– **Получается, что работает та схема, по которой Владимир Гусинский в начале 1990-х взял к себе на работу генерала КГБ Филиппа Бобкова?**

– Это другая тема. Сейчас во главе многих крупных российских холдингов стоят

Российский «Аль Капоне» – криминальный авторитет Евгений Васин

бывшие руководители МВД, ФСБ, хорошие работники и честные люди, которым никакие претензии нельзя предъявить. Поэтому у таких работников должна быть приличная зарплата и пенсия, чтобы человек чувствовал себя достойно, дети должны быть обеспечены, получить достойное образование.

– **И снова вернемся к белорусской ситуации. Вы известны не только как эксперт в области правоохранительной системы, борьбы с преступностью, но и как политический аналитик. Нынче летом Беларусь столкнулась с новым явлением – попыткой дестабилизировать обстановку, породить массовые волнения, используя как мобилизационный инструмент социальные сети. Попытка не удалась. Как Вы оцениваете эту новую технологию – «сетевые революции»?**

– Смотреть нужно всегда на причины явления. Что Запад раздражает в Беларуси? Если мы возьмем все последние решения США, Евросоюза в отношении вашей страны, то они все касаются политической оппозиции, насильственного разгона ненасильственных митингов в Минске. На мой взгляд, белорусским властям здесь нужно занять более гибкую позицию. Это не значит, что надо отказываться от тех принципов в экономике, социальной политике, которые уже определены в Беларуси. Их можно модифицировать, вносить коррективы. Экономика – очень гибкий механизм, особенно в условиях кризиса. Надо считаться с внешними условиями и на какие-то уступки идти. Никто не предъявляет Беларуси претензий по поводу ее экономики, никто не предъявляет претензий по поводу ее уголовной политики в отношении преступного мира, борьбы с коррупцией...

– **Почему же мы постоянно слышим претензии в отношении того, что Беларусь по-прежнему применяет смертную казнь?**

– А как США могут предъявлять Беларуси претензии по поводу смертной казни, когда в самих Штатах смертную казнь активно применяют? Американское общество при всей внешней политической демократии строится на жестком подавлении

любых противоправных явлений. Например, педофилы представляют опасность, значит, к ним применяются самые жесткие меры. А в России за педофилию, за насильственное вступление в связь с малолетними было до недавнего времени наказание всего до трех лет лишения свободы, хотя во всех странах это считается самым страшным преступлением. Сейчас только при Медведеве увеличили срок.

Но вопрос реагирования на политические вызовы – это совершенно иное. Сила власти заключается в том, что она может выпустить оппозицию и не бояться того, чтобы оппоненты были на свободе. Чем решительнее делает это власть, тем больше показывает свою силу.

Уличные беспорядки в Кишиневе. Апрель 2009 года

Беларусь сейчас все больше попадает в «ловушку Шарпа». Джим Шарп – известный американский политолог, ему 93 года, разработал определенную технологию. Он придумал методику ненасильственной революции. Это не его изобретение. Подобные акции протеста начал в Индии Махатма Ганди, затем продолжил Мартин Лютер Кинг в США. Но это было стихийное явление. Шарп отработал его до технологии. Любая группа людей может ее использовать в своих целях. Ее приняли в свой арсенал спецслужбы США и начали применять в 1950-х годах в Юго-Восточной Азии. Потом это стало развиваться. Шарп был активным организатором так называемых «ненасильственных акций» в Вильнюсе на закате советской эры. Затем технология

показала себя во время цветных революций. Смысл этой методики заключается в следующем. Группа оппозиции, сначала немногочисленная, совершает ненасильственные акции протеста. Расчет на то, чтобы спровоцировать власть на какое-то проявление насилия. Как только идет такая реакция в любой форме, сразу же потенциал оппозиции увеличивается, этот процесс развивается от акции к акции. Потом на определенном этапе власть переходит Рубикон – проливается кровь. При этом не обязательно власти могут быть виновником этого, может быть просто провокация, как это было во время российской революции 1905 года, в «Кровавое воскресенье». После этого император стал нелегитимен в глазах масс. Народ требовал его свержения, а закончилось все Февральской революцией.

Самый классический вариант реализации методики Шарпа – «молдавская революция» в апреле 2009 года. В арабских странах технология обогатилась новым средством коммуникации и мобилизации – социальными сетями. Там работают специально подготовленные блоггеры, которые заводят, собирают людей. А дальше вся символика, рисунки – все идентично. Плюс к этому – в дело ввели Джулиана Ассанжа с WikiLeaks. Чтобы его ни в чем не заподозрили, придумали ему уголовное дело в Швеции с порванным презервативом, якобы последующей угрозой выдачи США. А там его якобы на электрический стул должны посадить за разглашение гостайны. То есть не тех, кто передал ему совершенно секретные документы, а его. Надо знать американское законодательство – Ассанжа нельзя посадить на электрический стул. Да и откуда он взял столько секретнейшей информации? Ясно, что просто так нельзя получить шифровки посольств США одновременно из всех стран мира. Из одного-двух можно, но повсеместно?! И что получается? В той стране, где нужно создать кризис, вдруг появляются утечки на сайте WikiLeaks.

Поэтому не нужно влетать в ловушку Шарпа. Ведь применяются самые примитивные методы: выходят, молчат, хлопают, в ответ – жесткая реакция. А ответ должен быть и гибче, и мудрее, и хитрее.

Беседовал Вадим ГИГИН ─